

ЛЕОНИД БАСНИН,
АНАТОЛИЙ ЩЕЛКУНОВ

О ЧЁМ ШУМИТЕ ВЫ, НАРОДНЫЕ ВИТИИ?..

В последнее время в болгарской печати появилось множество публикаций, авторы которых с какой-то зоологической злобой пишут о российских и болгарских деятелях, сыгравших историческую роль в Освобождении Болгарии. Многие их имена стали священными для наших братских народов. Не опираясь на исторические документы, сознательно извращая факты, эти публикации сеют ложь в медийное пространство. Приведённые выше слова Пушкина свидетельствуют о том, что и раньше так называемые *народные витии* с ненавистью писали о России. Но в современных условиях градус этой злобы, как у нас говорят, “зашкаливает”.

Нам довелось многие годы работать в Болгарии в советских и российских дипломатических учреждениях. Мы побывали по роду службы во многих уголках этой замечательной, с полным правом можно сказать, благословенной земли. Имели незабываемые многочисленные встречи с болгарскими людьми разных возрастов и социальных групп. И неизменно отмечали дружеские чувства болгарского народа к России и русскому народу, уважение к русской культуре, бережное отношение к бесчисленным памятникам русским воинам, погибшим за освобождение Болгарии.

Эти чувства стали нашим общим достоянием, которое мы должны передать будущим поколениям.

Именно поэтому мы не можем молчать, когда это достояние какие-то люди пытаются принизить и оболгать. Они не могут даже освободиться от патологической злобы, которая их переполняет, а пытаются облить грязью тех, кто своих жизней не жалел за освобождение Болгарии. В своих выступлениях и статьях они руководствуются пропагандистским принципом Третьего рейха: чем больше ложь, тем больше надежд, что в неё поверят.

Великий день в истории болгарского народа – 3 марта, День Освобождения – кое-кто предлагает считать днём русской оккупации. Попытки подретушировать историю в угоду современной политической конъюнктуре унижают болгарский народ, оскорбляют его национальное достоинство. В исторической перспективе эти попытки тщетны, поскольку никому не удастся минимизировать значение роли России в освобождении болгар, заменить в памяти народной реальные исторические события различного рода инсинуациями,

Леонид БАСНИН — генеральный консул России в Варне (1998–2003), почётный гражданин города Варны, член правления Союза друзей Болгарии;

Анатолий ЩЕЛКУНОВ — генеральный консул России в Варне (2005–2009), почётный гражданин города Варны, член правления Союза друзей Болгарии.

потому что болгарский народ – древний, мудрый. Он бережно хранит историческую память о своих освободителях – русских воинах и героях-болгарских ополченцах и передаёт её из поколения в поколение. Ежегодно 3 марта мы вместе с болгарским народом отдаём высшие почести всем павшим за освобождение Болгарии от османского ига и вспоминаем подвиги наших предков.

Многовековая борьба родила своих героев, чьи имена навеки вписаны в историю наших народов. Мы не будем касаться тех писаний, в которых якобы “по-новому” подаются материалы о болгарских Апостолах Освобождения. Замечательная болгарская журналистка Велислава Дырева в своих блестящих статьях срывает маски лицемерия со всех, кто называет белое чёрным и кто извращает исторические факты.

Мы лишь попытаемся защитить честь и достоинство российской дипломатии и государственных деятелей России, которые подвергаются злобным нападкам. При этом будем использовать материалы книги “Дипломат России” одного из авторов этой статьи, написанной с привлечением подлинных документов Архива внешней политики Российской Империи при Министерстве иностранных дел РФ, Государственного архива Российской Федерации и многочисленных публикаций российских и зарубежных авторов. Издание этой книги осуществил Фонд “Устойчивое развитие Болгарии” совместно с российским издательством “Художественная литература”.

В ответ на попытки оболгать светлое имя Царя-Освободителя скажем лишь то, что принятие решения о начале войны против Османской империи далось ему нелегко. Но он не смог далее терпеть, как войска султана и головорезы-башибузуки потопили в крови болгарский народ, восставший против их пятиякевого владычества. Об этом свидетельствует манифест, подписанный Александром II. Вот его слова: *“Всем нашим любезным верноподданным известно то живое участие, которое мы всегда принимали в судьбах угнетённого христианского населения Турции. Желание улучшить и обеспечить положение его разделял с нами и весь русский народ, ныне выражающий готовность свою на новые жертвы для облегчения участи христиан Балканского полуострова... Усилия наши не привели к желаемой цели. Порты не вяла единодушною желанию христианской Европы. Исчерпав до конца миролюбие наше, мы вынуждены приступить к действиям более решительным... Турция отказом своим ставляет нас в необходимость обратиться к силе оружия”*.

Не приобретение новых территорий, не грабежи и мародёрство, не захват проливов, в чем обвиняла Россию европейская и, как всегда, английская пресса (подобные обвинения слышатся и поныне), а “облегчение участи христиан” являлось главной целью этой войны. Отсюда массовое проявление русскими воинами в жестоких боях с недругом небывалого самоотречения и высочайшего человеколюбия, свойственного подлинно православному сознанию.

Откуда взялось это в русском народе?

Активная политика России на международной арене сопровождалась невиданным ранее по своим масштабам движением солидарности с братьями-славянами внутри страны. Почти во всех крупных городах были созданы славянские благотворительные комитеты, собиравшие средства в помощь борющимся за свободу народам. Известны случаи, когда даже каторжники с рудников в Забайкалье собирали гроши и просили своих охранников отправить собранные суммы болгарам. Об этом писал в своей книге почивший в Бозе митрополит Варненский и Великопреславский Кирилл.

Огромную роль в просвещении народа сыграла Русская Православная Церковь, служители которой в своих проповедях разъясняли историческую и духовную близость русских и юго-восточных славян. Самые авторитетные русские писатели и деятели культуры посвятили яркие и страстные произведения теме борьбы балканских народов. Сквозная мысль в них – особая освободительная миссия России. Этот всенародный подъём и оказал влияние на царское правительство, принявшее решение объявить войну Турции. Тысячи добровольцев от рядового до генерала шли освобождать своих братьев по вере, движимые христианским сознанием самопожертвования: “Не пожалеем живота своего за други своя”. В этих добродетелях русского человека увидел австрийский поэт Райнер Мария Рильке то, что заставило его написать: “Все страны граничат друг с другом, а Россия – с Богом”.

Не можем мы пройти мимо тех нелепостей, которые очерняют имя замечательного российского дипломата – графа Николая Павловича Игнатьева. Некоторые из авторов с претензией на научную добросовестность интерпре-

тируют его деятельность в отрыве от исторического контекста. Более того, эти люди ничтоже сумняшеся не понимают различия в дипломатических рангах, называя Игнатьева консулом в Константинополе, в то время как даже болгарские школьники знают, что он был послом России в столице Османской империи. Всем очернителям мы бы, прежде всего, посоветовали прочитать уникальную книгу о нём “Н. П. Игнатиев – графът на България”, а в русском переводе “Рыцарь Балкан граф Н. П. Игнатъев”, которые были написаны замечательным писателем, журналисткой Калиной Каневой.

К примеру, извращается роль графа Игнатьева в отстаивании экзархата Болгарской церкви. Документы свидетельствуют, что именно Игнатъев сумел добиться от султана согласия на экзархат. Падишах поручил своему высшему сановнику Гаврилу Крстевичу (*болгарину по происхождению*), который имел основательную юридическую подготовку в Париже, разработать новый проект. Игнатъев, используя свои связи, нашёл возможность повлиять на окончательную редакцию подготовленного проекта. Постепенно Николай Павлович склонил и патриарха Григория согласиться с включением отдельных округов смешанных епархий в создаваемый Болгарский экзархат. Документ был учреждён в феврале 1870 года ферманом султана. Предусматривалось, что Болгарский экзархат имеет автономию и возглавляется экзархом, которым стал известный деятель движения за национально-церковную автономию, выпускник Московской духовной академии Анфим Виденский. (*Позднее он будет председателем Первого Учредительного собрания и Первого Великого народного собрания освобождённой Болгарии*). С известной долей удовлетворения от результатов многолетней и напряжённой работы Игнатъев сообщает канцлеру Горчакову в очередной депеше: “...сама Высокая Порта даёт ферман болгарам на создание самостоятельной церкви, сама признаёт принцип национальности, который она всегда стремилась исключить из своего внутреннего устройства. Сегодня она принимает народные желания и делит своих православных подданных на славян и греков. Следовательно, мы можем оправданно считать подобное разрешение болгарско-греческого церковного вопроса счастливым концом наших пятилетних усилий”.

Но такой исход греко-болгарского церковного спора не удовлетворил ни фанариотов, ни сторонников политики жёсткой османизации. Фанариоты не избавились от имперского мышления. Они считали себя наследниками Византийской империи. В течение нескольких сотен лет это мышление питалось монополией греческого языка в духовной сфере. По мере национального пробуждения болгар всё очевиднее для них становилась противоестественность этой монополии, всё менее они мирились с таким положением.

Игнатъев глубоко осознал и всей душой разделял выстраданное болгарам стремление к духовной и национальной свободе. Он был убеждён, что это стремление совпадает с политическими интересами России, и она не может оставаться к этому безучастной. В своём дневнике он записал: “Религиозная сторона вопроса имеет второстепенное значение. Религиозное знамя прикрывает истинно народное возрождение, в основе которого лежат исторические условия достижения более широкой политической свободы”.

Хотелось бы нам внести ясность и в вопрос о том, какое участие граф Игнатъев принимал в спасении болгарских деятелей от преследования османских властей. С самого начала посольской миссии Игнатъева в Константинополе для болгарских деятелей было очевидно, что русский посол им сочувствует. Это сразу вызвало у них симпатию к Игнатъеву. Они отвечали ему доверительностью и готовностью информировать его по самым щекотливым вопросам. Постепенно он завоевывает среди болгар и других балканских славян громадную популярность, что помогало ему в его благородной миссии. Большой позитивный резонанс среди болгар вызвало энергичное заступничество Николая Павловича перед турецким правительством за епископа Иллариона Макариопольского и руководителя церковно-национального движения Авксентия Велешского, которые находились в заточении. Он добивается их возвращения в Константинополь. Заступничество русского посла за деятелей болгарского освободительного движения продолжалось на протяжении всей его миссии в Константинополе. Узнав об аресте турками Василя Левского, который был главой тайной революционной организации, Николай Павлович направляет Найдёна Герова в Софию, чтобы он оказал ему посильную помощь, а сам заявил протест правительству султана. Но дипломатический статус Н. Герова не позволял ему вмешиваться в это дело, которое имело сугубо внутреннюю

юрисдикцию. Над Н. Геровым, которого турки обвиняли в пособничестве восстанию, нависла опасность ареста, поэтому Игнатъев перевёл его в посольство, направив на его место в Пловдив секретаря посольства Алексея Николаевича Церетелева.

Тем, кто сегодня пытается в ложном свете представить графа Игнатъева в судьбе Васи́ла Левского, мы бы посоветовали внимательно почитать те книги, список которых приведён в одной из ярких статей В. Дыревой, а также исторический роман о славном сыне болгарского народа, который был написан в результате многолетних исследований Константином Дуфевым. Роман называется “Обречённость”.

Много написано в русской и болгарской литературе о роли Игнатъева в подписании Сан-Стефанского мирного договора. Мы бы в этой связи отметили следующее: Сан-Стефанский договор не только разделил Османскую империю на азиатскую и европейскую части. Он провёл чёткую цивилизационную границу между варварством и гуманизмом, между дикостью и европейской культурой, между религиозным мракобесием и просвещённостью, между застоём и развитием, между прошлым и будущим Турции и народов Балканского полуострова. В этом смысле даже оскопленные на Берлинской конференции его статьи стали прологом всех тех достижений и взлёта материальной и духовной культуры, которых добились в последующие годы балканские народы.

Отношение к графу Игнатъеву болгар — его современников — является лучшим свидетельством оценки его исторических деяний. Вот как встречали его в Софии. С балкона смотрел граф на море огней, разлившееся на Соборной площади Софии, где несколько тысяч жителей города приветствовали его с факелами и зажженными фонарями в руках перед домом русского дипломатического агентства. От переполнявших его чувств он не мог сдержать слёз. В этих огнях чудились ему пожарища, в которых погибли миллионы сынов и дочерей болгарского народа за пять веков иноземного рабства, превратились в пепел достижения труда, творчества и таланта многих поколений болгар. Это были огни памяти о воинах русской армии, не пожалевших “живота своего за други своя” и павших в кровопролитной войне за свободу братского народа. Это были огни искренней благодарности лично ему, графу Игнатъеву, за многолетние усилия на дипломатическом поприще, которые способствовали тому, что мир признал право болгарского народа на свободу, и было восстановлено Болгарское государство. Нет в мировой истории другого примера такой всенародной любви к дипломату иностранного государства, как та, которую встретил он в Болгарии. Жители городов и сёл из уст в уста передавали новость о его прибытии в страну по случаю двадцатипятилетия героической эпопеи на Шипке, ставшей прологом освобождения Болгарии. Они украшали к приезду дорогого гостя улицы и площади. Встречать его выходило всё население, от мала до велика. Как писал очевидец: “Болгарский народ ликова́л. Все великие события, известные мировой истории, как бы побледнели по своему значению перед этим дивным часом, когда болгарский народ встречал творца нашего народного идеала в болгарской столице”.

Увидев графа на балконе, все собравшиеся на площади приветствовали его дружным “Ура-а-а!” Он с волнением смотрел на происходящее. Его до глубины души растрогали обращённые к нему слова ученицы шестого класса софийской школы, произнесённые с удивительно трогательной детской искренностью: “Бабушка мне велела всегда помнить графа Игнатъева. Я, когда стану бабушкой, также накажу своим внукам не забывать графа Игнатъева!”

Замечательные слова о графе Игнатъеве были сказаны Иваном Вазовым на заседании Славянского благотворительного общества в Софии: “Через несколько дней наша столица будет иметь честь радостно и триумфально, почти с царскими почестями, приветствовать того самого великого русского человека, великого почитателя болгар, чьи заслуги перед нашим народом сделали его имя известным и почитаемым в самой последней болгарской хате, милым и дорогим каждому болгарскому сердцу. А именно Его сиятельство графа Игнатъева”.

Настоящую статью нам хочется завершить фрагментом из упомянутой книги “Дипломат России”: *“Могли бы сегодняшние болгарские хулители графа Игнатъева оказаться на машине времени в Свищове, только что освобождённом русскими войсками, и поделить с его жителями своими измышлениями об этом человеке. Интересно было бы посмотреть на то, что бы они сделали с этими якобы “знатоками” подлинной истории?”*

Когда автор этих строк пытался ответить на вопрос: что заставляет некоторых болгарских журналистов и писателей во что бы то ни стало найти какие-то материалы, порочащие русских политических деятелей, а если не находят таковых, то идут на откровенный подлог, он увидел сон, который можно интерпретировать как вещий. Ему приснилось, что он посетил известного в Болгарии в 80-е годы прошлого века журналиста Стефана Продева. Он был главным редактором партийных газет “Работническо дело” и “Думы”. Отличался широкой эрудицией, прекрасным пером, умел аргументированно отстаивать свою позицию. Внешним видом Стефан напоминал портрет апостола болгарского освободительного движения, поэта и публициста Христо Ботева. Автор имел удовольствие во время дипломатической службы в Софии не раз беседовать с Продевым. Свою встречу с ним во сне он начал с того, что рассказал ему о работе над книгой, посвящённой графу Игнатьеву:

– Недавно я встретил болгарскую публикацию, в которой некий журналист пишет о том, будто бы граф Игнатьев сыграл зловещую роль в казни Васила Левского. Пытаясь разобраться, откуда взялась такая злобная клевета, я спросил об этом у знакомого вам писателя и журналиста Константина Дуфева, который является автором исторического романа о Левском “Обречённость”. Он мне ответил, что таких материалов нет. Может быть, вы смогли бы объяснить мне, почему появляются в современной Болгарии такие публикации?

Продев раскурил свою трубку. Положил зажигалку и задумчиво произнёс:

– Я знаю этого журналиста... Он когда-то окончил в Москве университет, который носит название Дружбы народов... Уверен, что во время учёбы говорил и писал о “вечной дружбе”... Некоторые психологи называют такие проявления “бременем благодарности” у людей, которые пытаются избавиться от довлеющего над ними психологического комплекса неполноценности. Другие идут на это, стремясь быть оригинальными и привлечь внимание публики чем-нибудь “жареным”.

Прервав на секунду свои рассуждения, он повернулся к книжному шкафу, стоявшему справа от него, взял какую-то книгу и сказал:

– Я вам сейчас прочту своё стихотворение “Окалина”, в котором вы найдёте ответ.

И в этот момент сон прекратился. Вам судить, уважаемый читатель, ответил ли Стефан Продев названием своего стихотворения на мой вопрос?!

Но следует признать, что таких хулителей не так и много в современной Болгарии. Воспользоваться злобными нападками на Игнатьева турецкой или западноевропейской прессы того периода – дело немудрёное. Гораздо труднее попытаться воссоздать подлинную картину событий того времени в их многосложной взаимосвязи на основе конкретных исторических документов. Попытка опорочить светлое имя Н. П. Игнатьева – это не просто амбициозное стремление некоего автора продемонстрировать “новый взгляд” на историю. Это частное явление общего процесса – одно из проявлений мощной пропагандистской кампании Запада. Далеко не случайно появление такого рода публикаций совпало по времени с так называемым “новым подходом” к истории Второй мировой войны и роли Советского Союза в освобождении Европы от фашизма, культивируемым в последнее время в европейском информационном пространстве. В этом проявляется не только психологический комплекс неполноценности под названием “бремя благодарности” потомков того поколения в Европе, которое было освобождено Красной армией от чумы XX столетия, но и стремление принизить её историческую заслугу перед мировой историей.